

В Л А Д И М И Р К О Р Ж О В

Писательские байки

Марк Юдалевич, Михаил Светлов, Марк Соболев. Барнаул, пересечение Социалистического проспекта и улицы Анатолия. Предположительно 1958 или 1959 год. Фото предоставлено автором

В шестидесятые-семидесятые годы прошлого века читали и почитали книги, вне всякого сомнения, больше, чем в наши дни. Это не старческое брюзжание, а горькая правда. В дни моей юности советская молодежь тянулась к чтению, и литературные объединения посещали, одаренные и не очень, молодые сочинители, а не люди предпенсионного и пенсионного возраста, как сейчас. Наивные, чего они жаждут: успеха, известности?! А может быть, ищут общения или убивают время? Однако время — деньги, а литературным трудом их не заработаешь, только свои потратишь на издание тощенькой книжицы. За редким исключением занятие стихотворчеством не в юности, а в солидном возрасте — это путь в никуда. Если быть более справедливым и резким — это путь к эпигонству и графоманству. Предельно искренним был знаменитый поэт Николай Старшинов: «До тридцати поэтом быть почетно, но ад крошечный — после тридцати!..»

Конечно, сегодня пишут стихи и молодые люди, однако чаще они предпочитают интернет-простран-

ство. Мне кажется, виртуальное общение не способно заменить живое выступление перед читательской аудиторией.

Но к чему нам этот разговор, ведущий в никуда? Лучше вспомним 1966–1968 годы, когда Геннадий Панов руководил литобъединением при газете «Молодежь Алтая».

Панов был стержнем студии, он умел сплотить коллектив и сделать занятие интересным. Нашими гостями были известные прозаики, поэты, филологи, журналисты: Николай Дворцов, Лев Квин, Георгий Егоров, Леонид Мерзликин, Николай Черкасов, Геннадий Володин, Дмитрий Кобяков, Вячеслав Чиликин и, конечно, Марк Юдалевич.

Марк Иосифович, который ранее вел литобъединение и знал наш костяк, почти не разбирал на занятиях новые стихи, написанные нами, ограничиваясь чтением их по кругу. Он, будучи затейливым рассказчиком, выдавал на-гора историю за историю.

Марк Иосифович был очень дружен с двумя известными советскими поэтами, несколько раз бывавшими в Барнауле, — Михаилом Светловым и Марком Соболев.

Вот что Юдалевич рассказывал о Михаиле Светлове, поэте и человеке, обладавшем неистощимым искрометным юмором:

— Старики, понятно, Светлова вы, конечно, читали все, я в этом ничуть не сомневаюсь, или?..

Марк Иосифович театральным жестом подносил правую руку к уху:

— Не слышу!..

Мы дружно скандировали:

*Мы ехали шагом, мы мчались в боях,
И яблочко-песню держали в зубах...*

Мэтр удовлетворенно посмеивался.

— Михаил Светлов говорил мне: «Послушай, Марк, одни поэты сравнивают себя с факелом, другие — с костром, третьи — с фонариком... А ты бы с чем сравнил себя?» — «Михаил Аркадьевич, затрудняюсь ответить. Я не тяну и на захудалую искорку!» — «А вот я себя, Марк, сравнил бы со спичкой. Она маленькая, но всегда под рукой!»

— Однажды Михаил Светлов и Марк Соболев засиделись допоздна у меня дома, — продолжал Марк Иосифович. — Вы уже знаете, что жил я в деревянном двухэтажном доме, что стоял рядом с двадцать седьмой школой, на углу проспекта Социалистического и улицы Анатолия. За рюмочкой вина да с разговорами вечер пролетел незаметно. Гости заторопились, чтобы не опоздать в гостиницу. Порядок был строгий, позже двенадцати в гостиницу «Алтай» не пускали, а если и пропускали, то под укоризненное ворчание дежурного администратора. В коридоре тускло светила маленькая лампочка. Импульсивный Михаил Аркадьевич сделал шаг, другой и, споткнувшись, покатился вниз по лестнице. Мы поспешили к Светлову, но тот уже стоял на ногах и отряхивал несуществующую пыль с пальто.

«Михаил Аркадьевич, извини! Оплошал, не уследил», — затараторил я виновато. «Ерунда, Марк, подумаешь, Светлов потерял марку! — он обнял нас за плечи и выдал: — Понимаете, друзья, столько лет прожил и только сейчас понял, что главное в жизни — это равновесие!..»

Мы загудели, как пчелы в растревоженном улье. А Марк Иосифович, помолчав с минуту, продолжал:

— Чувство юмора, самоиронии никогда не покидало Светлова. Даже незадолго до смерти, теплым августовским днем 1964 года, Михаил Аркадьевич, взяв в исхудавшую руку дорожное импортное лекарство от рака, приобретенное с великим трудом, произнес: «Не поможет! Поставьте в холодильник. От этого лекарства так пахнет нефтью!»

Марк Юдалевич отмечал, что, если у Михаила Светлова был светлый юмор, то у большого советского поэта Ярослава Смелякова, хлебнувшего лагерной баланды, он был черен и мрачен.

С Ярославом Смеляковым Юдалевич познакомился в Москве в конце 1950 годов. Марк был тепло принят маститым поэтом, другом Павла Васильева и Бориса Корнилова, особенно после того, как поведал Ярославу Васильевичу о своей юношеской встрече с Павлом Васильевым в Омске.

Вот что рассказал Марк Иосифович о юморе Ярослава Смелякова:

— В однокомнатной квартире, где жил Смеляков, раздался звонок. Ярослав Васильевич открывает дверь и видит на пороге сияющих от счастья юных поэтов, студентов литинститута Евгения Евтушенко и Беллу Ахмадулину. В руках у Евтушенко бутылка шампанского, а у Беллы — большой букет белых роз. Смеляков, склонив голову, любезно приглашает их в квартиру и спрашивает: «Женя, вы, почему такие нарядные и счастливые?» — «Учитель, поздравь нас с законным браком!» — восклицает Евтушенко.

Ярослав Смеляков, потирая переносицу и чуть растягивая слова, говорит: «Дорогие мои, а не кажется ли вам, что ваша женитьба напоминает бракосочетание Адольфа Гитлера и Евы Браун?»

Марк Иосифович лукаво улыбается и продолжает:

— Старички, более метко и образно не скажешь. До чего же был метафоричен последний из трех «витязей бильярда и пивной». В большинстве случаев супружеская жизнь двух равнозначных поэтов недолговечна. Поэты добры, порой беззащитны, застенчивы, но часто безжалостны к собратьям по перу. Может быть, пример не совсем точен, но вспомним строки Дмитрия Кедрина:

*У поэтов есть такой обычай —
в круг, сойдясь, оплёвывать друг друга...*

Выдающийся русский поэт Николай Заболоцкий, автор книги стихов «Столбцы», 19 марта 1938 года был арестован органами НКВД по подложному обвинению. В мае 1943 года лагерь, в котором сидел Николай Заболоцкий, перевели с Дальнего Востока на Алтай. Отмотав срок и год поселения в Караганде, он возвращался в Москву проездом через Барнаул. Состоялось знакомство с Юдалевичем. Заболоцкий поблагодарил его за стихи, которые читал время от времени в «Алтайской правде», будучи заключенным в Алтайлаге.

— Я был счастлив похвалой уважаемого мной поэта, — говорил Юдалевич, — и несколько не огорчен тем, что Заболоцкий счел мои стихи пока еще далекими от совершенства. Но они являлись поэтической подпиткой для поэта, ведь в Алтайлаге Николаю Алексеевичу читать было нечего.

Марк Иосифович был мудр, порой хитроват, порой простоват...

Но я ни разу не видел, чтобы он кичился своей известностью. Он был корректен и с писателями, и с читателями. Поэт обладал тонким юмором, иронией, самокритичностью. Его подначки были благодушны, не злобны.

Даже в юности, коей свойственен максимализм, я не понимал тех поэтов, которые, то ли завидуя, то ли не уважая Марка Юдалевича, писали на него едкие эпиграммы: «Писать стихи умеючи / могут Юдалевичи».

Марк Иосифович тоже был мастак на пародии и эпиграммы и отвечал:

*Кого всё время зависть гложет,
Тот сделать ничего не сможет.*